

Клэр Сибер

24 ЧАСА — СЛИШКОМ МАЛО ДЛЯ ТОГО, ЧТОБЫ СПАСТИСЬ,
И СЛИШКОМ МНОГО ДЛЯ ТОГО, ЧТОБЫ УМЕРЕТЬ...

Клэр Сибер — журналистка и писательница, автор романов в жанре остросюжетного интеллектуального триллера. Ее произведения получили одобрительные отзывы “The Washington Post”, “The Observer” и “The Guardian”. Сибер — мастер напряженной интриги и неожиданной, шокирующей развязки!

Когда Эмили, подруга Лори, трагически гибнет в огне пожара, женщина понимает, что это не случайность. Тот, кто преследует ее, просто ошибся, и на месте Эмили должна была быть сама Лори. Лори считают мертвой, ведь на шее Эмили был ее медальон. Лори понимает, что теперь опасность угрожает не только ей, но и ее близким. Например, дочери Полли, которая сейчас находится за сотни миль от нее. Женщина за 24 часа должна успеть спасти дочь и себя саму от смерти, а также понять, кто убил Эмили.

24 часа — это все, что вам потребуется для того, чтобы прочитать этот высококлассный триллер от Клэр Сибер.

Клэр Макинтош, британская журналистка и писательница

Клэр Сибер
24 ЧАСА

24
ЧАСА

www.bookclub.ua

ISBN 978-617-12-4334-7

9 786171 243347

Клэр Сибер

Claire Seeber

24 hours

Клэр Сибер

24
ЧАСА

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)
С34

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

Публикуется при содействии “*Lorella Belli Literary Agency*”
и “*Synopsis Literary Agency*”

Переведено по изданию:
Seeber C. 24 hours : A Novel / Claire Seeber. —
London : Bookouture, 2015. — 338 p.

Перевод с английского *Владислава Ковалива*

Дизайнер обложки *Иван Дубровский*

ISBN 978-617-12-4334-7
ISBN 978-1-910751-57-2 (англ.)

© Claire Seeber, 2016
© DepositPhotos.com /irstone,
обложка, 2017
© Nemigo Ltd, издание на рус-
ском языке, 2018
© Книжный Клуб «Клуб Се-
мейного Досуга», перевод
и художественное оформ-
ление, 2018

Слова благодарности

Мне хотелось бы поблагодарить Николу Смит, которая всегда вырывается вперед.

Также выражаю благодарность сотрудникам издательства «Букутюр», а особенно Риан Маккей за ее крайнюю внимательность.

Больше всего мне хотелось бы поблагодарить Кешини Наиду, причем не только за зоркий редакторский глаз, но и за дружеское отношение ко мне, энтузиазм и моральную поддержку.

Посвящается моим домочадцам, а особенно —
на этот раз — моему большому мужчине. Тому,
возле которого мне надлежит быть.

Иногда приходится совершить подлость, чтобы
продолжать жить дальше...

Карл Юнг

Когда борьба начинается внутри самого челове-
ка, значит, он чего-то стоит.

Роберт Браунинг

Эта странная любовь

Мы видим то, что хотим видеть.

Это я услышала от своего мужа Сиды. Он частенько говорил, что иногда мы видим что-то, а иногда просто предпочитаем не смотреть. Иногда мы просто закрываем глаза.

Это история о том, как я не смотрела.

И о том, что порой любовь не является всепобеждающей и для нее есть непреодолимые преграды.

Да и как можно увидеть любовь? Любовь отнюдь не представляет собой нечто хорошо различимое и отчетливое. Иногда, конечно, она податлива и понятна, но также может быть странной, непостижимой, аморфной. И очень даже часто любовь — это в действительности вовсе не она. Ее границы становятся расплывчатыми, и тогда вопрос заключается уже только в том, чтобы как-то выжить. Она сначала заключает нас в свои теплые объятия, а затем швыряет на пол.

Она для нас благословение или проклятие? Я бы сказала, что это спорный вопрос. Дискуссионный. Поэтому я не могу дать однозначный ответ, но я могу рассказать вам это...

Это — история об уродливой и грубой любви. О такой любви, которая ослепляет.

О любви, с которой вы можете и не выжить.

Сейчас: точка отсчета времени

Когда мы прибываем на территорию больницы, на горизонте за холмами уже брезжит свет. Однако, судя по всему, день будет пасмурным.

И надеяться в этот день не на что.

Мои глаза чешутся и слезятся: они воспалены от усталости и дыма. Я тру их, но от этого становится только хуже.

Женщина, сидящая рядом со мной в машине скорой помощи, что-то говорит, но, похоже, несет какую-то чушь. Я не понимаю слов, которые она произносит. Я бы ей что-то ответила, но не могу сейчас даже сглотнуть. В голове пульсирует, горло — как наждачная бумага, во рту — вкус пепла и вины.

Эта женщина все еще одета в домашний халат. Он из розового велюра, однако розовым его уже не назовешь. Она бледная, ошеломленная. Ее лицо — в слезах и саже. У меня, наверное, точно такой же вид.

Но мне наплевать на то, какой у меня сейчас вид.

Единственное, чего я хочу, — это знать, где находится Эмили.

Никто не смог мне этого сказать. Не было ничего, кроме хаоса: некому задать вопрос, не у кого получить разъяснения. Лишь всеобщее смятение и паника. Полицейские, наконец-то прибывшие на место происшествия, были слишком заняты тем, что пытались оттеснить всех на дорожку за пределами территории отеля. Мы с нарастающим отчаянием наблюдали, как языки пламени все растут и поднимаются так высоко, что их видно над ограждениями. Густой черный дым клубился среди крон деревьев, горящие щепки летали на ветру. Мы наблюдали за всем этим, пока полицейские не заставили нас спуститься вниз по дороге и зайти в помещение, похожее на сельский клуб. Там мы стали ждать, когда приедут машины скорой помощи.

Парамедики уверяют нас, что вскоре все прояснится, что из больницы скоро поступят сообщения о наших друзьях и родственниках и что нам нужно «лишь немножко подождать»: «Подождите еще чуть-чуть, проявите терпение».

А я в ужасе. У меня в животе — ноющая боль, которая меня изводит. Мне необходимо найти Эмили, а затем уехать отсюда. Удрать к чертовой матери, прежде чем меня найдут.

В еще больший ужас меня приводит мысль о том, что я, возможно, уже *никогда не увижу* Эмили.

События этого вечера снова начинают мелькать перед моим мысленным взором и затем замирают на каком-то моменте, прокручиваются назад, воспроизводятся снова и снова. Языки пламени лижут стену, дым просачивается сквозь щели под дверями. Жара, нехватка воздуха.

Я обхватываю свою пульсирующую голову ладонями, чтобы остановить безжалостный поток образов, но это не помогает.

— С вами все в порядке, милая? — Лысеющий парамедик протягивает руку и аккуратно приподнимает мой подбородок пальцами так, чтобы видеть мое лицо.

— Да, — хрипло отвечаю я, хотя в действительности это неправда. — Спасибо.

— Рука болит? — Он показывает на мою перебинтованную ладонь.

— Немножко. А еще у меня болит горло и очень сильно — плечо.

Заговорив, я тут же закашлялась. Он рассматривает мое лицо. Я, в свою очередь, рассматриваю его короткие густые ресницы, похожие на щетину зубной щетки.

— Что-нибудь еще? Тошнота? Головокружение? Головная боль?

Мне хочется схватить его за руку и держаться за нее. Если я этого не сделаю, я могу потерять сознание.

— Я чувствую себя хорошо.

В действительности мне в жизни еще не было так плохо.

— Понятно. — Он отпускает мой подбородок. — Не делайте резких движений, ладно? Вы сейчас как раз там, где нужно. Вас проверят, не наглотались ли вы дыма.

Но на самом деле я совсем не там, где нужно.

Когда парамедики открывают заднюю дверь машины скорой помощи, чтобы мы могли выйти наружу, нас тут же ослепляет флуоресцентный свет отделения неотложной помощи больницы. Я жмурюсь и, с трудом ориентируясь в окружающем пространстве, выбираюсь из автомобиля.

Я похожа на овцу в стаде, которая слепо идет за остальными, натываясь на тех, кто шагает впереди нее. Начинает петь какая-то одинокая птица, затем она замолкает. Сегодня отнюдь не тот день, когда должны звучать радостные песни.

В дверях больницы уже толпятся журналисты из отделов новостей. Я захожу внутрь, следуя за другими людьми. У меня во рту резкий привкус. Привкус дыма.

У основания лестницы, по которой все начинают подниматься, я останавливаю медсестру в голубой униформе, поспешно спустившуюся к нам. Вид у нее мрачный.

— Я ищу Эмили Саутерн, — говорю я. — Не подскажете, как мне ее найти?

— Кого? — хмурится медсестра.

— Мою подругу. Пострадавшую от недавнего пожара.

— Я не уверена, что смогу вам помочь. — Медсестра трясет своими светлыми волосами, собранными на затылке в хвостик. — Извините. Вам необходимо оставаться вместе со своей группой. Думаю, кто-нибудь скоро придет и поговорит с вами.

Она поспешно уходит прочь.

Я сижу в комнате с другими людьми до тех пор, пока это не становится невыносимым. У меня болит ладонь, и никто из медперсонала до сих пор не пришел. С нами находится лишь один задумчивый молодой санитар. Он для нас скорее надзиратель.

— Сюда уже вот-вот приедет полиция, — то и дело повторяет он.

Вид у него весьма встревоженный. Женщина, которая сидела рядом со мной в машине скорой помощи, плачет. Крупный мужчина разговаривает по мобильному телефону.

— Просто приезжай и забери меня, — говорит он.

Санитар пытается кому-то позвонить, но, похоже, и ему никто не может помочь.

— Пожалуйста, не плачьте, — говорю я рыдающей женщине. — Все будет в порядке.

Но у меня самой такое ощущение, что все не будет в порядке. Не будет. Кто-то приносит нам чай, но мне совсем не хочется его пить. В груди засел страх. Я на грани истерики. Перед моим мысленным взором — языки пламени, лижущие дверь. Я несколько раз встаю и сажусь, пока до меня наконец не доходит, что мне необходимо выйти из этого помещения.

На мне моя пижама и кофта Эмили. У меня есть мобильный телефон, батарея в котором давно разрядилась. Больше у меня ничего нет.

Я открываю дверь.

— Пожалуйста, оставайтесь здесь, мисс, — говорит санитар. — Через минуту-другую кто-нибудь придет и поговорит с вами.

— Мне просто нужно в туалет, — вру я.

— Хорошо. — Он пожимает плечами. — Туалет дальше по коридору.

Выйдя из комнаты, я поворачиваю за угол. Чуть дальше двое полицейских разговаривают с женщиной, одетой в белый халат. Они беседуют вполголоса — так, как будто не хотят, чтобы их кто-то услышал, — а потому у меня невольно возникает желание остаться незамеченной. Я, задержав дыхание, медленно пчучсь назад.

Подождав немного за углом, я осторожно выглядываю из-за него. Один из них держит в руках какой-то список.

— Правильно. То есть это Питер Грейвс. Бедняга. — Он что-то помечает в списке. — А Лори Смит, вы говорили? — спрашивает он затем.

«Я здесь», — едва не кричу я и делаю шаг вперед.

— Лори Смит погибла? — уточняет он, поднимая взгляд от списка на женщину. — Вы уверены?

Я замираю.

— Боюсь, что да, — кивает женщина, и ее длинные волосы, аккуратно собранные в хвостик, слегка покачиваются. — Доставлена мертвой. В жутком виде.

Полицейский снова что-то помечает в списке.

— А та женщина, которая проживала с ней в одном номере? — Второй полицейский бросает взгляд на свои бумаги. — Кажется, Эмили Саутерн. Что-то вроде этого. Если, конечно, чертов список составлен правильно. В этом отеле относились ко всему невообразимо халатно.

— Погибла только одна женщина. — Врач отхлебывает кофе из своей чашки и вытирает рот. — И те двое мужчин, о которых мы уже говорили. Кроме того, уборщица все еще в отделении интенсивной терапии. Думаю, мы это так или иначе выясним в течение ближайших нескольких часов. — Она говорит небрежным тоном. Ужасно небрежным. — Обычно это происходит довольно быстро.

Из своего укрытия я вижу, как полицейский с рыжеватыми волосами что-то пишет в блокноте.

— Думаю, могло быть и хуже, — говорит он. — При пожаре такого масштаба.

— Да, слава богу, — соглашается врач. — Несколько человек пострадало, но они даже в состоянии ходить. Могло быть *намного* хуже.

Мое сердце бьется так быстро, что, кажется, вот-вот разорвется на части. Чтобы не рухнуть на пол, я опираюсь о стену.

Лори Смит погибла.

Но на самом деле я *не* погибла. Я стою здесь, в этом больничном коридоре. И это означает, что...

Это означает, что погибла Эмили. Видимо, погибла она.

— Вы уже связывались с родственниками?

— Это, к счастью, не наша работа, — говорит полицейский. — Мы до сих пор еще ждем подтверждений. Пока что, если честно, царит неразбериха. Администрация все никак не может разобраться, что к чему.

— Нас вообще не следовало бы к этому привлекать. — Второй полицейский засовывает мизинец себе в ухо и ковыряет в нем. — Мы ведь из дорожной полиции.

— Сейчас придется действовать быстро. — В голосе этого мужчины сквозит некоторое волнение. — Всем этим уже заинтересовалась пресса.

— По крайней мере, телефон для справок работает, — говорит второй полицейский, пониже ростом, с таким видом, как будто это большое утешение. Вытащив из уха палец, он проверяет, нет ли на нем ушной серы.

— Тем, кто в подобных случаях сообщает о случившемся родственникам, не позавидуешь. — Пейджер врача сигналит. — Пожалуй, это самая трудная часть работы.

— Я не знаю. — Полицейский с рыжеватыми волосами снимает фуражку и потирает лоб. — Лично я не могу даже смотреть на маленьких детей в разбившихся всмятку автомобилях.

Врач бросает взгляд на пейджер, прикрепленный у нее на талии, и устремляется прочь:

— Я нужна там, наверху. Боюсь, что жертв может оказаться в общей сложности четверо.

Для нее людские страдания — обычное дело. У полицейских печальный вид. Задумались, видимо, о жизни и смерти.

Затем они тоже уходят вместе со своими списками.

Я выхожу из-за угла и направляюсь в женский туалет.

Там я упираюсь руками в раковину. Слезы еще не пришли: мои глаза такие сухие и воспаленные, что это кажется мне невероятным. Я брызгаю себе на лицо водой, а затем медленно опускаюсь на пол спиной к стене.

Моя лучшая подруга погибла. Эмили погибла, а они думают, что погибла я.

Я взяла ее кофту. Кофта эта оказалась ближе всего ко мне: она висела на внутренней стороне двери гостиничного номера. Эмили разбудила меня, едва не плача: она — себе в оправдание — сказала, что у нее ужасно болит голова, что у нее опять мигрень, и попросила принести из машины ее таблетки «Мигралев». Я, полу-сонная, с трудом ориентируясь в окружающем пространстве, стала бродить по каким-то незнакомым и тускло освещенным коридорам, наконец-то нашла стоящий в темноте автомобиль и попыталась отыскать в нем нужные таблетки, но эти поиски ни к чему не привели. Затем, когда я подошла к стойке дежурного администратора, чтобы спросить, не сможет ли мне кто-нибудь помочь, сработала пожарная сигнализация. Звуки были пронзительные, казалось, проникали в самый мозг.

Сигнализация сработала, но я почему-то не смогла зайти обратно в гостиничный номер.

Его дверь не открывалась.

Видимо, ее заклинило. Я наваливалась на нее всем своим весом, но она не поддавалась.

А может, они ошибаются? Может, они ее с кем-то перепутали?

Да нет, я знаю, что они правы. У Эмили на шее висел мой медальон с выгравированным на обратной стороне именем «Лори». Медальон этот хорошо сочетался с платьем переливчатого синего цвета, которое она надела на ужин. Мы с ней обменивались украшениями и одеждой с тех пор, как познакомились в школе. Вчера вечером мы смеялись над тем, как этот медальон невольно привлекал внимание к ее груди. Впрочем, с такой грудью, как у нее, она в дополнительных ухищрениях не нуждалась.

— Ты вредная, Лори Смит, — сказала Эмили, когда я легонько ткнула пальцем ей в грудь после того, как повесила ей на шею этот медальон.

— Никакая я не вредная. Я просто завидую твоей груди, — сказала я. — Мою грудь изничтожила Полли...

Дверь гостиничного номера все никак не открывалась. Я изо всех сил пыталась ее открыть, но ее, похоже, действительно заклинило. Я снова и снова с размаху билась в нее плечом, пока

усилившийся жар не вынудил меня бежать, чтобы попытаться найти того, кто помог бы.

Но помочь не смог никто. Никого попросту не было. Находиться в таком дыму уже стало невозможно...

Я встаю и вытираю с лица сажу. Глаза на бледном лице кажутся огромными. Перед мысленным взором все еще мелькают эпизоды этого ужасного вечера.

Эмили. Моя любимая Эмили.

Худшее заключается в том, что я знаю: погибнуть должна была не она.

Потому что охотились за мной.

Все сходится. Страх и стресс, которые я испытывала в течение последних нескольких месяцев, привели меня к этому выводу.

Глядя в зеркало, я чувствую, как проясняется рассудок. Эмили дает мне шанс. В своей смерти — как и ранее в своей жизни — моя лучшая подруга пыталась меня защитить.

Мне нужно отсюда уйти. Уйти, пока они не поняли, что ошибаются. Уйти, пока врачи и полицейские не осознали, что я все еще жива, пока тот, кто желает мне смерти, тоже этого не осознал.

Я выхожу и спускаюсь по ступенькам навстречу дневному свету.

Тогда: Испания

Было очень жарко. Я не знаю, чего я ожидала, но точно не яркого солнечного света, который заставил нас едва ли не отпрянуть назад, когда мы вышли из здания аэропорта. Яркий свет, из-за которого нам потом приходилось все время щуриться.

— Ого! — Стоя под остроконечными пальмами, я сжала ладонь Полли еще сильнее. — У нас тут появится замечательный загар, правда, Пол?

Взгляд, которым одарила меня Полли, был таким высокомерным, на какой только способен шестилетний ребенок.

— Загар тебе не на пользу, мамочка. Как и курение.

— Ого! — повторила я, удивившись.

Когда это моя дочь присоединилась к большинству, которое выступает за здоровый образ жизни? В ней, наверное, проснулась моя мама.

Сид пришел бы в ужас.

Полли стала рыться в своем рюкзаке, а я открыла незапертый багажник арендованного автомобильчика и положила в него наши сумки.

— Все в порядке?

— Теперь уже да, — с важным видом кивнула Полли, нацепив на кончик своего курносого носа очки в виде розовых сердечек.

Я не снимала собственные солнцезащитные очки на протяжении почти всего перелета, опасаясь, что кто-то обратит внимание на мои опухшие глаза, которые сейчас выглядели как щелочки на бледном и жутко мрачном лице. Я сказала Полли, что хочу казаться похожей на какую-нибудь знаменитость. Она, поразмыслив над этим, спросила:

— На Тейлор Свифт?¹

Я не имела ни малейшего понятия, кто это.

— Да, — сказала я. — Как раз на него.

— На нее, — поправила меня Полли.

— Замечательно, — пробормотала я в ответ. Вообще-то я чувствовала себя отнюдь не замечательно. Скорее наоборот. Я включила передачу, отпустила сцепление, и автомобиль резко и мощно дернулся вперед. — Ой! Извини, Пол.

— Ничего-ничего, — ласково сказала Полли. — Я понимаю, что ты не можешь перестать быть фиговым водителем.

Это в ней слегка проснулся ее отец.

— Именно так. — Мне не хотелось спорить. Я уже устала от споров. Мы начинали новую жизнь. Я осторожно включила правильную передачу. — Поехали — нас ждут приключения.

* * *

Приключения начались бы намного раньше, если бы я не нашла выезд с территории аэропорта лишь с третьего круга, а въезд на автостраду — лишь с четвертой попытки. При этом я еще заглядывала в дорожную карту и довольно неуклюже управляла автомобилем «Хюндай» с левым расположением руля². В конце концов, уже

¹ Тейлор Свифт — американская кантри-поп-исполнительница, автор песен и актриса. (*Здесь и далее примеч. пер.*)

² В Великобритании — в отличие от континентальной Европы — руль в автомобилях расположен справа.

ближе к сумеркам, мы все-таки сообразили, как добраться до городка с выбеленными домами, расположенного на самой вершине холма.

С большим трудом проехав на автомобиле по умопомрачительно узеньким — арабского типа — улочкам, на которых испанские мужчины кричали мне что-то такое, чего я не понимала, мы в конце концов прибыли к месту назначения, и я остановилась возле дома, который арендовала у своего коллеги Роберта.

Распаковывая вещи, мы восторженно разглядывали симпатичный маленький дом, лимоны, растущие во дворе, и крошечный мраморный бассейн, в котором едва хватало места, чтобы окунуться. Мы купили яиц, хлеба и питьевой воды в магазине, расположенном в конце улочки, а после ужина, когда жара спала и я снова смогла дышать нормально, я купила Полли мороженое в баре на площади, когда пила там из кружки холодное пиво. Я прижала ее плотное маленькое тело к себе и мысленно поблагодарила Бога за то, что она — здесь, со мной.

Однако, когда она в этот вечер легла спать, я уселась под лимонным деревом, откупорила бутылку белого вина «Риоха» и отчаянно попыталась не поддаваться умопомрачительной тоске, которую я испытывала в течение последних трех с половиной дней и последних трех с половиной месяцев. А еще — последних трех с половиной лет.

Избавиться от этой тоски у меня не получилось.

Когда я лежала на застекленной террасе в темноте, под куполом неба с серебристыми звездами, тоска одержала верх.

Слезы бесшумно потекли по моему лицу и стали собираться лужицами в ушах.

Я потратила все свои деньги до последнего пенни на то, чтобы приехать сюда, — в это мое убежище от *него*. Я спасла Полли и саму себя, по крайней мере временно. Почему же тогда я испытывала такую жуткую тоску?

Потому что во мне образовалась большая трещина — трещина, которую нельзя ни устранить, ни чем-то заполнить. Этого нельзя было сделать сейчас и, возможно, нельзя будет сделать никогда. Можно заливать в эту трещину вино и заполнять ее сигаретным дымом, но она от этого не исчезнет.

Я отчаянно искала глазами падающую звезду на небе, чтобы загадать желание. Но в эту ночь таких звезд не было.

Сейчас: час первый

9 ЧАСОВ УТРА

На первом этаже мимо меня проходят две медсестры.

— Ты видела журналистов там, на улице? — фыркает одна из них. — И фотокорреспондентов. Налетели, прямо как стервятники.

— Они предложили Лизе Маккормак пятьдесят фунтов за то, чтобы она рассказала им, в каком состоянии тела.

Я, отчаянно пытаюсь не думать об Эмили и о том, в каком состоянии сейчас может находиться ее тело, прохожу вслед за медсестрами через двери, открывающиеся в обе стороны, по направлению к табличке, указывающей на выход.

Как стало ясно еще на рассвете, день здесь наступал сумрачный и бесцветный.

Я толком даже и не знаю, где это — «здесь». Лишь тоненькая полоска моря, которую я заметила из окон верхнего этажа, свидетельствует о том, что мы, видимо, все еще в Девоне¹.

— Она взяла их? Взяла деньги?

— Джоанн! — Вторая медсестра смеется и с силой тычет свою подружку пальцами в бок. — Ты сама как думаешь?

— Как я думаю? Она вполне могла поддаться соблазну! Не всем ведь дано быть ангелами...

— Я думаю, что журналисты — чертовы ублюдки. — Медсестра вся прямо-таки содрогается. — Наверное, цепляются сейчас ко всем подряд. Они в наше время ведут себя именно так. — Повернув к какой-то больничной палате, она что-то предлагает Джоанн: — Поло?

Мне необходимо перевести дух.

Я сажусь на стул в коридоре и пытаюсь собраться с мыслями. Однако я так устала и настолько ошеломлена, что не могу навести в своих мыслях порядок. Я сдавливаю голову ладонями, пытаюсь оживить в ней воспоминания.

Страх. Я помню страх. Самый настоящий страх: мне казалось, что я вот-вот умру. Мне казалось, что еще немного — и я задохнусь от дыма.

¹ Девон — графство в Англии.

Я встаю и направляюсь к выходу.

Я не должна здесь сейчас находиться. Я должна быть уже мертвой. Я знаю, даже без тени сомнения, что моя жизнь в опасности.

Но теперь главное — это найти Полли до того, как опасность станет угрожать и ее жизни.

Мне необходимо найти убежище до того, как сюда явится Сид. Он очень зол с того момента, как я перестала позволять ему видеться с Полли. Уверена: он имеет к произошедшим событиям то или иное отношение.

И ему *наверняка* позвонят. В этом нет никаких сомнений. Позвонят, если осознают, что я не мертва. Если осознают, что тело в морге — это тело Эмили, а не мое.

Сколько у меня еще времени?

Я одета недостаточно тепло для такой холодной погоды, которая стоит сейчас, и у меня нет денег.

В конце коридора открывается дверь. За ней в зале ожидания перед стойкой главного дежурного администратора работает телевизор, который никто не смотрит.

На открытой витрине перед небольшим магазинчиком выставлены утренние газеты. Я читаю какой-то заголовок: «В результате пожара на курорте с минеральными водами “Форест Лодж” погибли три человека».

У меня волосы едва не встают дыбом. Я беру эту газету. Рука дрожит, и я с трудом подавляю эту дрожь. Я просматриваю статью.

Были опознаны двое из тех, кто погиб в результате пожара на курорте «Форест Лодж». Ими оказались Питер Грейвс и ночной портье Джефф Ли. Третьей и четвертой жертвами считаются две пока еще не опознанные женщины. Полицейские надеются установить их личности сегодня.

— С вами все в порядке? — У толстой девушки, стоящей за прилавком магазинчика, обеспокоенный вид. Она берет деньги из рук мужчины, покупающего коробку шоколадно-вафельных конфет «Кит-кэт», и кладет их в свою кассу. — Вы, похоже, вся дрожите.

Мой мозг начинает лихорадочно соображать. Мужчина благодарит продавщицу и уходит. В кассе, должно быть, полно денег. На стуле, стоящем позади продавщицы, висит ее пальто.

— По правде говоря, я не очень хорошо себя чувствую. — Я прикладываю ладонь к голове. Я сейчас не лгу. — Не могли бы вы позвать кого-нибудь, кто сумел бы мне помочь?

Она, похожая в своем ярко-красном джемпере на огромную малиновку, тяжело вздыхает и на несколько секунд задумывается.

— Конечно, — наконец говорит девушка. — Не переживайте. Вы пока присядьте здесь и отдохните.

— Спасибо. Я едва стою на ногах.

Она устремляется в коридор. Я осматриваюсь. Дежурный администратор, находящийся за своей стойкой футах в пятидесяти от меня, разговаривает по телефону и меня попросту не замечает. Если не считать звуков этого разговора, здесь царит зловещая тишина.

Я быстро встаю и нажимаю несколько кнопок. К моему огромному облегчению, касса тут же открывается. Я запускаю руку в стопки купюр, мысленно чертыхаясь по поводу того, что пальцы так сильно дрожат. Затем я беру со стула просторное пальто темно-синего цвета и набрасываю его на себя.

— Простите, — бормочу я, ни к кому не обращаясь. Я устремляюсь к раздвижной двери и выхожу через нее на улицу, где меня встречает холод.

В уличной чайной по другую сторону проезжей части собралась небольшая группа фотокорреспондентов. У них на шее висят фотоаппараты. Корреспонденты курят и о чем-то шутят. Я очень быстро иду на стоянку такси и усаживаюсь на заднее сиденье первого попавшегося из них. Моя пижама, слава богу, вполне может сойти за самую последнюю версию мешкообразных штанов, ставших нынче модными. Тем не менее я запахиваю пальто поплотнее.

— Не могли бы вы отвезти меня в ближайший город?

Говорить очень трудно, и мой голос все еще очень тихий — не более чем шепот.

Мне объяснили, что боль в моем горле вызвана тем, что я наглоталась дыма. Сказали, что это постепенно пройдет. Может, и пройдет, но пока что мне больно говорить.

— Так вы и есть в городе, милая моя.

Таксист смотрит на меня так, будто я чокнутая. У меня, возможно, и в самом деле такой вид, словно я только что сбежала из психиатрической больницы.

— А-а, — говорю я, оглядываясь. Рядом с дверьми сидит в кресле-каталке и всюду дымит подросток в пятнистом халате, весь украшенный пирсингом. Больше у дверей никого нет: никто через них не выходит и не заходит. — Ну да, конечно. Тогда не могли бы вы отвезти меня в ближайший торговый центр?

Таксист вздыхает так, будто я попросила его отвезти меня в Томбукту¹.

— У меня украли сумочку, — заявляю я.

Он включает радиоприемник и со скучающим видом трогается с места.

Мне вдруг приходит в голову одна мысль.

— А вообще-то, не могли бы вы подождать минутку?

Я вылезая из автомобиля и бегу к чайной, в которой собрались фотокорреспонденты. Их слегка удивляет — и забавляет — моя растрепанная внешность: волосы у меня торчат во все стороны. Один из них предлагает мне сигарету.

— Нет. — Я качаю головой. — Я лучше выпью чаю. Вы слышали новости?

— Какие новости? — оживляется один из них — с псориазом. Кто-то тут же заказывает мне чай.

— Про жену художника. Знаменитого. Сиды Смита.

— Того, который рисует всякую религиозную порнушку? И который получил Букеровскую премию?

— Премию Тернера², — невольно поправляю я его.

— Да не важно какую. — Он чешет свою пораженную псориазом щеку. — Ну так что?

— Её жена мертва. Её звали Лори Смит. Она погибла в результате недавнего пожара.

Я поворачиваюсь, чтобы уйти.

— Погибла? На курорте с минеральными водами? Бедняжка, — говорит корреспондент. — Но он, по-моему, от нее ушел, да?

— Разве? — Я снова чувствую, что едва стою на ногах.

— Ушел к певице. — Кто-то протягивает мне картонный стаканчик с чаем. — К молоденькой метиске. Очень сексуальной.

¹ Томбукту — город в Африке.

² Премия Тернера — премия в области современного искусства, одна из самых престижных в мире.

— Ну, его жена сейчас все равно уже мертва. — Я беру чай. — Лори Смит. И в самом деле бедняжка, — с грустью со- глашаюсь я.

Но фотокорреспонденты уже потеряли ко мне интерес: они до- стали телефоны и звонят в отделы новостей и своим редакторам.

Я снова забираюсь в такси и, грея замерзшие ладони о картон- ный стаканчик с горячим чаем, сижу некоторое время, откинув- шись назад. Мне сейчас очень многое нужно сделать, и я не знаю, с чего начать. Мне нужно поговорить с мамой и позаботиться о том, чтобы Полли оставалась в безопасности; мне нужно раздо- бить одежду; мне нужно поговорить с Эмили. Она подскажет, как правильно поступить.

Но я не могу поговорить с Эмили.

Когда я снова это осознаю, меня охватывает ужас.

Я больше не могу поговорить с Эмили.

Моя лучшая подруга мертва, и убила ее я. Ну, все равно что убила.

В прямом или в переносном смысле, но я ее убила, потому что находится сейчас в морге должна была я.

Тогда: Испания

Никто не женится и не выходит замуж, думая, что брак рано или поздно распадется.

Не так ли?

День моей свадьбы был, как я думала, началом нового этапа в жизни: свадьба — это ведь залог чего-то хорошего, это ведь но- вое начинание. Лучший день моей жизни — до того дня, когда ро- дилась Полли. На вершине холма на юго-восточной оконечности Корнуолла, нависающей над спокойным бирюзовым морем, я вы- шла замуж за мужчину, в которого очень сильно влюбилась годом раньше. Мы ели местных омаров и чипсы, сидя под солнцем на открытом воздухе, за длинными столами, представляющими со- бой столешницы, положенные на козлы, а затем состоялась ве- черинка в мастерской Сиды. Денег у нас, в общем-то, не было, но это не имело значения: мы украсили мастерскую дикорастущими цветами — розовыми, желтыми и голубыми, — и Эмили вплела точно такие же цветы в мои распущенные волосы. Я была одета

в простенькое и легкое шелковое платье, ходила босиком и пребывала в полной эйфории, погрузившись с головой в любовь.

«Ты красивая», — шептал Сид, когда мы стояли перед чиновником-регистратором. Однако, когда я смотрела ему в глаза — глаза цвета моря, — он казался мне каким-то отчужденным, как будто даже эту коротенькую фразу произносил через силу.

И я просто еще сильнее сжимала его ладонь — ладонь моего бедняцкого растерявшегося мальчика. Я знала, что он напуган.

Насколько он был напуган — этого я тогда не осознавала.

«Я еще никогда не видела тебя такой счастливой, — сказала Эмили. Это была любезность с ее стороны, ибо я знала, что она чувствует *на самом деле*. — Но вот омаров мне жалко. Они ведь образуют брачные пары на всю жизнь. — Она скорчила мне рожицу, надув и без того круглые щеки. — Пока их не подадут на обед».

Типичная Эм. С другой стороны, моя мама не сказала ничего. Она всего лишь закатила глаза при виде моих распущенных волос и голых ступней, но и ей в кровь уже хлынул адреналин. Сид умел быть невероятно обаятельным, когда ему этого хотелось, и, несмотря на то что он почти ничего не зарабатывал, мама в конце концов решила — причем без каких-либо внушений со стороны, — что заложенный в нем потенциал может оказаться огромным.

Лучшее же заключалось в том, что в этом месте собрались все, кого мы любили. Все, кроме моего отца, который отказался приехать. Это не стало неожиданностью: в конечном счете, я ведь пригласила его на свадьбу только ради того, чтобы соблюсти приличия.

Уже вечером в день нашей свадьбы, когда гости все еще танцевали под музыку местного самодеятельного ансамбля и пили дешевое слабенькое вино розового цвета при свете месяца, Сид отвел меня в старый обветшалый амбар, в котором держал свой мотоцикл и газонокосилку, вышедшую из строя при первом же использовании. Он стащил брезентовый чехол с картины, прислоненной к стене. Это была небольшая картина маслом, и я даже не знала, что он над ней работает. Я стояла и молча тарасилась на картину.

На ней была изображена я: я спала обнаженная, свернувшись калачиком посреди постели.

«Постель Сида» — так он назвал эту картину.

Как стало ясно впоследствии, это было единственное проявление нежности ко мне за всю историю наших отношений. Единственное, если не считать подаренного им кольца вечности¹.

Но тогда я этого еще не знала.

Картина мне понравилась. Понравилась не из какого-то тщеславия, а просто потому, что я — видимо, по глупости — решила, будто эта картина символизирует то, *что* я значу для него. И потому что я вообразила, будто он видит меня совсем не так, как все другие люди. Я, по правде говоря, даже не верила своей удаче: я ведь вышла замуж за человека, которого считала настоящим гением, а главное, я верила, что больше всего на свете он любит *меня*.

Я совершенно потеряла голову.

* * *

После полуночи, когда все наконец-то разошлись, Сид поставил меня посреди своей темной мастерской и стал меня разглядывать.

Я почувствовала, что в нем что-то нарастает по мере того, как сгущается тьма. Что-то такое, чего я не понимала, только знала, что оно есть. То, что я замечала в нем раньше всего пару раз.

Он протянул руку и грубо стащил бретельки платья с моих плеч, в результате чего платье упало и расстелилось у моих ног, словно лужица из шелка.

Он ничего не говорил. Выражение его лица было загадочным, и поэтому я просто подчинялась ему, парализованная его взглядом. В том, как он смотрел на меня, стоящую в лунном свете, было что-то весьма необычное... В конце концов я почувствовала себя такой обнаженной, какой я себя еще никогда не чувствовала.

Затем он схватил и приподнял меня — так, чтобы мои ступни слегка оторвались от пола, — сдавив меня при этом на несколько секунд столь сильно, что я не могла дышать. Я издала какой-то звук, выражая тем самым недовольство.

Он в ответ бросил меня на кровать, стоящую в его мастерской, с такой силой, что я ударилась локтем о стену и вскрикнула от

---

¹ Кольцо вечности — женское кольцо с камнями, которое символизирует вечную любовь и которое обычно дарит муж жене по случаю годовщины свадьбы.

боли. Будучи все еще почти полностью одетым, Сид стал срывать с меня нижнее белье, и оно треснуло. Он разодрал лишь кружева, а мне показалось, что он рвет мою кожу. И это явно не было проявлением страсти. Это было чем-то таким, что заставило меня немного испугаться.

Это, возможно, было проявлением собственничества. Мне показалось, что Сид как бы исчез в себе самом. Сиды здесь уже не было — вместо него появился мужчина, которого я пока еще по-настоящему не понимала. Я была ошеломлена, но при этом и зачарована, и я охотно подчинялась: отдавала себя ему так безоговорочно, что в конце концов почти ползала перед ним на коленях.

Когда я — уже почти на рассвете — заснула, я была полностью измождена и слегка сбита с толку. Даже в глубине души я не смогла бы признаться себе, насколько сильно — или не очень — меня шокирует эта ранее неведомая сторона моего новоиспеченного мужа. Он лежал рядом со мной на единственной имеющейся в его мастерской кровати, курил и таранился в потолок. И он не прижимался ко мне и не обнимал меня, хотя крепко стискивал мое запястье своими длинными тонкими пальцами.

На следующее утро я была вся в синяках и ушибах, которые болели, и мне не хотелось смотреть ему глаза, когда он их открыл. Я повернулась к выбеленной стене. Однако он аккуратно перевернул меня и нежно поцеловал. Затем он заставил меня посмотреть на него и стал заниматься со мной любовью так медленно, что я вся задрожала. И я подумала, что все будет хорошо.

Шесть недель спустя я — к своему превеликому удивлению — обнаружила, что забеременела. Это вообще-то не должно было произойти: я ведь даже сомневалась в том, что когда-либо смогу забеременеть, потому что еще с юности страдала эндометриозом. Но меня быстро привела в восторг мысль о том, что у нас будет ребенок, — как выяснилось потом, слишком быстро.

Оглядываясь впоследствии назад, я осознала, что эта беременность была всего лишь началом конца. Сид не хотел ничем и ни с кем делиться. Он хотел, чтобы все было так, как ему заблагорассудится. Мой муж вообще-то был гением. Его звезда поднималась вверх по небосклону. Однако поднималась она мучительно медленно, и это — по разным причинам — негативно отразилось

на нас обоих. Еще не став *enfant terrible*¹ в мире британского искусства, он был категоричным, ярким и страстным. Когда же к нему наконец — позднее, чем ожидалось, — пришел настоящий успех, он очень сильно испортился. Где тут можно было найти место для ребенка — место для ребенка в жизни, всецело подстраиваемой под его «талант»?

«Постель Сида». Я начала ненавидеть эту картину. Однако я была права в одном: она и в самом деле символизировала то, *что* я значу для Сида. Он нарисовал меня — значит, он владел мной. Я была в *его* постели. Он полагал, что я являюсь его собственностью и что он может делать со мной все, что захочет. Поднимать меня и класть обратно тогда, когда ему вздумается.

Он с тех пор поднимал меня и клал обратно уж слишком часто.

* * *

Неделя, проведенная под испанским солнцем после того, как мы с Сидом в конце концов расстались, послужила, как мне казалось, своего рода тонизирующим средством, и, несмотря на все неприятности, нам с Полли удалось немного развлечься. Мы сидели на ветреных пляжах побережья Коста-де-ла-Лус и старались не наглотаться песчинок, которые то и дело поднимал в воздух порывистый ветер. Мы высматривали корабли с высокими мачтами на мысе, возле которого произошло Трафальгарское сражение² (хотя Полли утверждала, что это сражение случилось на Трафальгарской площади³).

Мы проехали вдоль побережья до симпатичного города Тарифа, о котором я прочла в путеводителе отнюдь не вдохновляющие сведения, будто в этом городе самый высокий в Испании уровень самоубийств — по-видимому, «из-за ветров». Местные неугомонные ветры могут довести до безумия кого угодно, хотя серфингистам они, похоже, очень даже нравятся. Мы ели тапас какого-то странного цвета в барах на маленькой квадратной площади, находящейся неподалеку от нашего дома. Полли нравилась всем.

¹ Несносный ребенок (*фр.*).

² Трафальгарское сражение — историческое морское сражение между британскими и франко-испанскими морскими силами, произошедшее в 1805 году у мыса Трафальгар на Атлантическом побережье Испании.

³ Трафальгарская площадь — площадь в Лондоне.

Літературно-художнє видання

СІБЕР Клер
24 години
Роман
(російською мовою)

Керівник проекту *В. А. Тютюнник*
Відповідальний за випуск *К. В. Озерова*
Редактор *А. О. Колюбакина*
Художній редактор *Ю. О. Дзекунова*
Технічний редактор *В. Г. Євлахов*
Коректор *О. С. Калмикова*

Підписано до друку 11.12.2017. Формат 84x108/32. Друк офсетний.
Гарнітура «Literatruya». Ум. друк. арк. 16,8. Наклад 5000 пр. Зам. №

Книжковий Клуб «Клуб Сімейного Дозвілля»
Св. № ДК65 від 26.05.2000
61140, Харків-140, просп. Гагаріна, 20а
E-mail: cop@bookclub.ua

Віддруковано з готових діапозитивів на ПП «ЮНІСОФТ»
Свідцтво ДК №3461 від 14.04.2009 р. www.unisoft.ua
61036, м. Харків, вул. Морозова, 13Б

UNISOFT

Литературно-художественное издание

СИБЕР Клэр
24 часа
Роман

Руководитель проекта *В. А. Тютюнник*
Ответственный за выпуск *Е. В. Озерова*
Редактор *А. А. Колюбакина*
Художественный редактор *Ю. А. Дзекунова*
Технический редактор *В. Г. Евлахов*
Корректор *О. С. Калмыкова*

Подписано в печать 11.12.2017. Формат 84x108/32. Печать офсетная.
Гарнитура «Literatruya». Усл. печ. л. 16,8. Тираж 5000 экз. Зак. №

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
Св. № ДК65 от 26.05.2000
61140, Харьков-140, пр. Гагарина, 20а
E-mail: cop@bookclub.ua

Отпечатано с готовых диапозитивов на ЧП «ЮНІСОФТ»
Свидетельство ДК №3461 от 14.04.2009 г. www.unisoft.ua
61036, г. Харьков, ул. Морозова, 13Б

UNISOFT

УКРАИНА

- по телефонам справочной службы
(050) 113-93-93 (МТС); (093)170-03-93 (life)
(067) 332-93-93 (Киевстар); (057) 783-88-88
- на сайте Клуба: www.bookclub.ua
- в сети фирменных магазинов см. адреса на сайте Клуба или по QR-коду

Для оптовых клиентов

Харьков

тел./факс +38(057)703-44-57
e-mail: trade@ksd.ua

Киев

тел./факс +38(067)575-27-55
e-mail: kyiv@ksd.ua

Одесса

тел./факс +38(067)572-44-28
e-mail: odessa@ksd.ua

**Приглашаем к сотрудничеству
авторов**

e-mail: publish@ksd.ua

**Приглашаем к сотрудничеству художников,
переводчиков, редакторов**

e-mail: editor@ksd.ua

Коли подруга Лорі на ймення Емілі трагічно гине у полум'ї пожежі, жінка розуміє, що це не випадковість. Той, хто переслідує її, просто помилився, і на місці Емілі мала бути сама Лорі. Лорі вважають мертвою, адже на шії Емілі був її медальйон. Лорі розуміє, що нині небезпека загрожує не тільки їй, а й її близьким. Зокрема, дочці Поллі, яка перебуває за сотні миль від неї. Жінка за 24 години має встигнути врятувати дочку та себе саму від смерті, а також зрозуміти, хто вбив Емілі.

Сибер К.

С34 24 часа / Кларэ Сибер ; пер. с англ. В. Ковалива. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2018. — 320 с.

ISBN 978-617-12-4334-7

ISBN 978-1-910751-57-2 (англ.)

Когда подруга Лори по имени Эмили трагически гибнет в огне пожара, женщина понимает, что это не случайность. Тот, кто преследует ее, просто ошибся, и на месте Эмили должна была быть сама Лори. Лори считают мертвой, ведь на шее Эмили был ее медальон. Лори понимает, что теперь опасность угрожает не только ей, но и ее близким. Например, дочери Полли, которая сейчас находится за сотни миль от нее. Женщина за 24 часа должна успеть спасти дочь и себя саму от смерти, а также понять, кто убил Эмили.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)